

В 2009 г. исполняется 140 лет со дня рождения профессора Всеволода Прокопьевича Первушина (1869—1954) — известного отечественного невролога, ученика проф. Л.О. Даркшевича, четверть века посвятившего развитию неврологической науки в Казани. Он стоял у истоков создания Казанского ГИДУВа и входил в состав первого Временного правления Казанского института усовершенствования врачей, был организатором и первым заведующим кафедрой и руководителем клиники нервных болезней (с июня 1920 г. по апрель 1922 г. до отъезда в г. Пермь).

В канун празднования юбилея талантливого невролога, прекрасного педагога, неумолимого общественного деятеля и основателя династии профессор-медиков мы публикуем на страницах нашего журнала очерк пермского краеведа Л.В. Мишлановой, посвященный не только многогранной деятельности проф. В.П. Первушина, но и в целом семье пермского профессора...

Лидия Мишланова

ДИНАСТИЯ ПРОФЕССОРОВ ПЕРВУШИНЫХ

ЧАСТЬ I

ВСЕВОЛОД ПРОКОПЬЕВИЧ ПЕРВУШИН: КАЗАНСКИЙ ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ И ТВОРЧЕСТВА

В начале 20-х годов прошедшего столетия ректором молодого Пермского университета мог стать Всеволод Прокопьевич Первушин. Дважды просили его занять этот пост. И в 1923, и в 1924 гг. на собраниях профессоров и преподавателей университета он получил большинство голосов. И оба раза он решительно отказывался, выдвигая одну и ту же причину — недостаток времени. Тем не менее в декабре 1924 г. Всеволода Прокопьевича избрали членом правления, заместителем ректора и заведующим научно-учебной частью университета, и эту, весьма хлопотную и не такую видную должность он прекрасно исполнял два с половиной года.

Среди отцов-основателей Пермского университета было на редкость много известных ученых, ярких личностей. Почему же ректором хотели видеть именно профессора Первушина? Кто он? И чем конкретно объяснялось его нежелание быть первым лицом вуза?

Всеволод Прокопьевич родился в Перми 27 ноября 1869 г., как писал он сам, «в трудовой, интеллигентной семье», уточняя, что отец был ревизором губернской Контрольной палаты. Во времена молодости Всеволода Первушина университета на Урале не было, и способные юноши, стремящиеся к наукам, ехали в Казань. Вот и он, окончив с золотой медалью Пермскую классическую гимназию, в том же 1888 г. поступил на физико-математический факультет Казанского университета. Перед глазами был пример: дядя Иван Михеевич Первушин, который хотя и служил сельским священником, но был одновременно известным русским математиком, членом Парижской академии наук. Однако другой дядя — М. М. Первушин — нашел призвание в ином: он посвятил годы довольно еще новому и чрезвычайно полезному делу — оспопрививанию населения. Влечение к медицине оказалось сильнее и у племянника, который уже на следующий год перевелся на медицинский факультет.

«Мой дядя, лекарь честных правил, Меня в дни юности моей Науку полюбить заставил...». Нет, так, подражая Пушкину, писал не Всеволод Первушин, а другой бывший студент Казанского университета — Дмитрий Калиновский. Он учился там значительно позже, лет двадцать спустя, но застал еще кое-кого из профессоров, чьи лекции слушал его старший коллега. Они оба вспоминали о своих наставниках с почтением и обожанием, только Всеволод Прокопьевич в свойственном ему сдержанном стиле автобиографического очерка, а Дмитрий Алексеевич — эмоциональными строчками полушутливой поэмы. Например: «Вот давней мудростью согбенный, Миславский к кафедре бредет, Ученой свитой окруженный, Он речи длинные ведет Над лапкой трепетной лягушки Под ток Румкорфовой катушки». Или: «Внизу Фаворский сухорукий, С готовой желчью на устах, На нервных центрах и путях Нам причинял большие муки, В своих сужденьях сух и строг, Он был прекрасный педагог». Впрочем, что касается А. В. Фаворского, то во времена молодости Первушина, будущий профессор еще тоже был студентом, и оба они увлеченно занимались наукой под руководством замечательного невропатолога, ученого и клинициста Ливерия Осиповича Даркшевича. Федор Иванович Шалапин, описывая Казань того времени, называл излюбленными местами отдыха студентов Панаевский сад и озеро Кабан, где они катались с барышнями на лодках. Возможно, Всеволод Первушин тоже бывал там. И все-таки он и в юные годы представляется очень серьезным, увлеченным наукой юношей, до бесконечности трудолюбивым и ответственным. В годы студенчества по летам, как пишет в своем биографическом очерке Всеволод Прокопьевич, ради приобретения практических навыков, он препарировал трупы в анатомическом покое Пермской губернской больницы (1890 и 1891 гг.), работал в тюремной аптеке, в 1892 г. — в хирургическом, терапевтическом, акушерско-гинекологическом отделениях и холерном бараке Пензенской губернской больницы (в Пензу по службе переводили отца). Стипендию — 300 рублей в год — он получал от Пермского земства и позже, будучи врачом, полностью ее выплатил.

Летом 1893 г. земство призвало своего стипендиата, который к тому времени стал уже пятикурсником, на борьбу с холерной эпидемией. С мая по сентябрь он провел в Чердыни помощником врача, организовал «холерный»

барак в селе Серегове, а при уездной земской больнице — небольшую лабораторию и сам произвел несколько анализов воды из реки Колвы. Получал жалованье — 150 рублей в месяц.

Делом своей жизни Всеволод Прокопьевич избрал, возможно, самое сложное в медицине — изучение и лечение болезней нервной системы. Как пишут ученые, нервная система управляет всеми другими системами организма, обеспечивает его единство и взаимоотношение с окружающим миром. Нервная система — это основа личности человека, она определяет его интеллектуальную и эмоциональную сущность, всю его жизнедеятельность. Первушина так увлекла избранная специальность, что он рад был, окончив в 1894 г. университет с отличием, получить приглашение профессора Даркшевича остаться в клинике нервных болезней даже в качестве сверхштатного ординатора, т.е. какое-то время трудился без вознаграждения. Здесь, в Казани, за четверть века Всеволод Прокопьевич прошел почти все ступени роста: начинал лаборантом, был ординатором, долгие годы ассистентом, затем приват-доцентом. В 1899 г. в Казани состоялся VII съезд Общества русских врачей в память Пирогова, и молодой ученый В. П. Первушин на одном из заседаний доложил свои наблюдения над неизвестным до тех пор заболеванием крестьян Казанской губернии, которое он назвал тогда «прогрессирующей формой неврита плечевого сплетения». На самом деле, это был весенне-летний клещевой энцефалит, что стало понятно Первушину спустя сорок лет в Перми, где он наблюдал то же самое заболевание. Он вспоминал тогда свою давнюю работу. И впоследствии один из его учеников, профессор Новосибирского мединститута А. П. Иерусалимский напишет: «Общепризнанно, что это одно из первых упоминаний о клещевом энцефалите в медицинской литературе».

В 1904 г. в Казани вышел трехтомный «Курс нервных болезней» Л. О. Даркшевича — первое отечественное многотомное руководство по неврологии. Так вот, в предисловии автор написал: «Я искренне благодарю ассистента клиники В. П. Первушина: его специальные работы по ряду клинических вопросов, равным образом и труды в помощь мне при изготовлении к печати издания, много способствовали моему Курсу принять тот вид, в котором он появляется в свет». Это было уважительное признание Учителя, публично оценившего большой вклад Ученика в их общее дело. Много ли мы знаем профессоров, которые

вот так благодарят своих ассистентов, пользуясь их трудами?

В 1912 г. в «Неврологическом вестнике» была опубликована большая работа В. П. Первушина «К учению о миопатии». А за монографию «Polyomyelitis acuta anterior infantum» (речь идет об остром полиомиелите у детей — Л.М.) в мае 1918 г. Всеволод Прокопьевич без защиты диссертации был удостоен ученой степени доктора медицины. К концу своего казанского периода деятельности Первушин вел на медицинском факультете два приват-доцентских курса: «Методология клинического исследования нервной системы» и «Семиотика и диагностика нервных болезней». Одновременно с работой в клинике нервных болезней Л.О. Даркшевич с 1896 г. привлек его еще к одному делу: Первушин стал врачом первой в России, открытой тогда в Казани, лечебницы для лиц, злоупотребляющих алкоголем. Через пять лет профессор сможет полностью передать лечебницу в руки своего надежного ученика и последователя — это была новая, живая и очень трудная работа. Поначалу к врачу обращались немногие: алкоголизм не считался болезнью, но потом стали приезжать даже из Москвы, Тифлиса (Тбилиси), Выборга, из разных губерний, в том числе Пермской. С самого начала Всеволод Прокопьевич вел статистику и обнаружил, например, что по роду предшествовавшей деятельности среди пациентов преобладают писмоводители и бухгалтеры, затем идут торговцы и приказчики, за ними люди духовного звания, ремесленники. Но, в общем, контингент был самый разнообразный, встречались музыкант и наборщик типографии, студент и офицер — алкоголь не щадит никого. «В большинстве случаев, — писал Первушин, — это были люди материально необеспеченные, часто совершенно неимущие». Их пристрастие к алкоголю он объяснял тяжелыми условиями жизни, своеобразными традициями среды, отсутствием разумных развлечений и стойких идей.

Л.О. Даркшевич и его единомышленник В. П. Первушин определяли алкоголизм как заболевание нервной системы и считали, что так же, как неврастения или, скажем, истерия, он требует продолжительного лечения для восстановления сил и нарушенных функций организма. Специальная больница Казанского общества трезвости находилась на малолюдной городской окраине — за парком «Русская Швейцария», возле речки Казанки. В течение

нескольких месяцев больные жили здесь в здоровой обстановке, полностью исключавшей употребление алкоголя. Штат больницы включал врача, фельдшера и двух работниц, одна из которых готовила пищу, другая мыла полы. Остальные дела должны были исполнять пациенты по мере улучшения своего состояния: убирать помещения, работать во дворе, в саду и на огороде. Чистый воздух, купанье в реке, физический труд способствовали укреплению организма и привычке к трезвому образу жизни. Правда, не все больные хотели работать...

Но самое главное и трудное — внушить этим людям, что они могут и должны обходиться без алкоголя. Всеволод Прокопьевич, обладавший сильной волей, владел способом гипнотического воздействия на психику больного. Но он предпочитал внушение наяву. «Этот последний прием, — писал он, — не легок, требует от врача ознакомления с больным, с миром его идей, его прошлым и т. д. Но, с другой стороны, этот прием более естествен, не шаблонен (каким иногда может оказаться обычное применение гипноза) и оказывает несомненный успех». Результат зависел и от формы алкоголизма: привычное пьянство, которое чаще встречается в жизни, отмечал Первушин, легче поддается лечению, чем, например, тяжелый запой. Поэтому он настоятельно советовал больным при приближении запоя или в самом его начале сразу же обращаться к врачу. В Казани кроме лечебницы общество трезвости содержало и бесплатную амбулаторию.

Судя по годовым отчетам и другим публикациям Первушина этих лет, он достаточно хорошо представлял масштабы и причины пьянства в России. Он был наблюдателен, умён, а в своих удивительных путешествиях от села к селу, от города к городу (во время каникул дважды пешком (!) преодолел огромный путь от Казани до родной Перми) многое повидал и понял. Да и каждый пациент трагедией своей жизни и жизни своих близких представлял самый что ни на есть реальный материал для анализа и размышлений. Но при всей сложности проблемы Всеволод Прокопьевич верил в необходимость постоянной и упорной борьбы с пьянством. «Чем больше будет наноситься ударов этому вековому строю и традиционному отношению к спиртным напиткам..., тем больше шансов для успеха, для установления трезвой и воздержной жизни», — писал он. Не признававший так называемого

умеренного питания, он призывал учителей, врачей, священнослужителей, деятелей земства и прессы пропагандировать полное воздержание от спиртных напитков, оберегать от дурного влияния больных алкоголизмом детей и юношество.

Десять лет отдал Всеволод Прокопьевич непосредственной помощи людям, попавшим в зависимость от «зеленого змия». Он всесторонне исследовал проблему алкоголизма и стал в свое время известным специалистом в этом деле. К его мнению прислушивались. Так, журнал «Русский врач» в № 16 за 1915 г. опубликовал статью ассистента клиники нервных болезней Казанского университета В. П. Первушина «Необходимость Пироговского противуалкогольного съезда», и в том же году в Москве было проведено такое совещание, созванное Обществом русских врачей в память Н. И. Пирогова. Многие идеи Всеволода Прокопьевича, избранного в президиум товарищем председателя, были поддержаны коллегами.

Шла первая мировая война. В России действовал «сухой закон», и, казалось бы, участники совещания должны были безоговорочно одобрить его. Но здесь собрались специалисты, которые понимали, что меры запретительные и ограничительные — лишь подходящая почва для наступления на пьянство. А главнейшая роль должна принадлежать мерам положительного характера — социальным, экономическим и культурным, «имеющим целью улучшение всей жизни и быта страны, условий труда, правового положения и просвещения населения». Доклад, сделанный Первушиным по итогам съезда, показывает, что он не был революционером, но прекрасно сознавал необходимость всесторонних перемен. Успешную борьбу с пьянством он связывал с такими понятиями, как «реформы», «самоуправление», «демократизация».

Однажды, разбирая библиотеку своего отца, сельского врача-хирурга и невропатолога, я нашла три тоненькие брошюры, изданные в самом начале XX века, автором которых был В.П. Первушин. Отец, по натуре добрый человек, всей душой ненавидел пьянство, он с негодованием рассказывал, что на фронте в Великую Отечественную войну были случаи, когда загул даже одного небольшого военачальника оборачивался смертельной опасностью и, бывало, приводил к гибели десятки и сотни людей. А как пили после войны, особенно инвалиды, вернувшиеся домой без рук, без ног, молодые ребята и отцы семейств! В конце 40-х годов в

районной больнице отец организовал палату для больных алкоголизмом и их лечение и, разумеется, изучал историю вопроса, теорию и практику этого очень непростого и, кажется, нескончаемого дела. Среди его союзников был и автор брошюр Всеволод Прокопьевич Первушин, который до конца своих дней не прекращал борьбы с алкоголизмом, при этом сам подавал пример абсолютной трезвости.

Поражают разнообразие научных и общественных интересов В. П. Первушина, широта его неутомимой деятельности. Среднее и высшее медицинское образование для женщин своим становлением и развитием в Поволжье во многом обязано Всеволоду Прокопьевичу. Он преподавал в женской фельдшерско-акушерской школе, в школах сестер милосердия, был одним из организаторов и руководителей женского медицинского института, стоял у истоков знаменитого Казанского института усовершенствования врачей, с самого начала возглавив там научно-учебную часть и клинику нервных болезней. Он же организовывал и оказывал медицинскую помощь городским рабочим, студентам университета, беженцам из Прибалтийского края... Всеволод Прокопьевич был главврачом лазаретов Общества Красного Креста, работал консультантом в госпиталях в первую мировую войну, ездил в командировки по уездам, участвуя в борьбе против туберкулеза, детской смертности, холеры и испанки.

В разные годы ни одно медицинское объединение — будь то общество клинических врачей, младших преподавателей университета, научное общество невропатологов и психиатров или какое-либо другое — не обходилось без деятельного участия Первушина. В одном он был секретарем и казначеем, в другом — товарищем председателя, в третьем — председателем. Но если даже состоял только членом правления, все равно основная нагрузка — таково уж свойство инициативного и ответственного человека — приходилась на его долю. И неудивительно, что в 1917 г., когда и в университете возникали советы, Всеволода Прокопьевича избрали членом совета медицинского факультета, видимо, не заподозрив в нем сына служилого дворянина. И вплоть до отъезда в Пермь он состоял в этом совете.

Продолжение следует.

